

постепенный уход от информационного репродуктивного знания к знанию действия. Учащиеся воспринимают знания не в готовом виде, а в процессе собственной деятельности, направленной на «открытие нового знания».

В процессе работы преподаватель уходит на второй план: он уже не транслятор нового знания, а организатор исследовательской деятельности учеников. Учитель не вмешивается в работу групп, а лишь направляет работу, делает замечания и дает уточнения.

Литература

1. Зеер, Э. Ф. Личностно ориентированные технологии профессионального развития специалиста / Э. Ф. Зеер, О. Н. Шахматова. – Екатеринбург : Изд-во УГППУ, 1999. – 245 с.
2. Кларин, М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. – Рига : Эксперимент, 1995. – 176 с.
3. Лобова, Г. Н. Основы подготовки студентов к исследовательской деятельности / Г. Н. Лобова. – Москва, 2000. – 196 с.
4. Монахов, В. М. Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса / В. М. Монахов. – Волгоград : Перемена, 1995. – 152 с.
5. Хуторской, А. В. Современная дидактика: учеб. для вузов / А. В. Хуторской. – Санкт-Петербург, 2001. – 544 с.
6. Янгирова, А. А. К вопросу о сущности понятий «компетенция» и «компетентность» // Актуальные проблемы профессионального развития педагогов в системе современного образования: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2005. – Ч.1. – С. 53–55.

УДК 37.016:82

Елена Николаевна Матюхина,

кандидат философских наук, доцент кафедры новой истории и мировой политики ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»;

Тюмень, Россия

Elena Nikolaevna Matyukhina,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, the Chair of New History and World Politics, Tyumen State University; Tyumen, Russia

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ И ОТКРЫТИЯ ПЕРСПЕКТИВ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

CRITICAL THINKING AS A METHOD OF SOLVING PROBLEMS AND DISCOVERING THE PROSPECTS OF LITERARY EDUCATION

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем, связанных с формированием у обучающихся навыков понимания и интерпретации литературного наследия русской культуры. Отражаются изменения, которые уже имеют место в организации учебного процесса. Делается попытка прогноза развития современного российского образования в одной из наиболее важных сфер – духовной. Необходим пересмотр устоявшихся в последнее время подходов к литературоведческому образованию. Констатируется, что быстрые количественные и качественные изменения, характеризующие современную эпоху, требуют переориентации

образования, которое должно быть направлено на добывание и усвоение новых знаний, что может быть обеспечено на серьезной академической основе.

Abstract. The article discusses a number of problems associated with the formation of students' skills of understanding and interpretation of the literary heritage of the Russian culture. It reflects the changes that already take place in the organization of educational process. An attempt is made to forecast the development of modern Russian education in one of the most important areas – the spiritual one. A revision of the recently established approaches to literary education is necessary. It is stated that the rapid quantitative and qualitative changes that characterize the modern era require reorientation of education, which should be aimed at acquiring and assimilating new knowledge, which can be achieved on a serious academic basis.

Ключевые слова: минимальный объем познаний, ЕГЭ повредило мозг, незнание главных героев произведений мировой классики, преподаватель не является учителем в обычном смысле, сегодняшняя система ценностей.

Keywords: minimal amount of knowledge, the Unified State Exam damaged the brain, ignorance about the main characters of world classical literary pieces, a teacher is not a teacher in the usual sense, modern value system.

Как и в других живых формах образования, норма не является правилом. Возможны бесконечные вариации, и они действительно обусловлены обстоятельствами. Обычной особенностью метода критического мышления является неформальность. Профессия, которая не идет на опережение, которая не умеет дышать одним воздухом с тем, кто этот воздух создает, а это люди все равно достаточно молодые. Это уже не профессия, это пропаганда. Хороший учитель поможет ученику опровергнуть или исправить его, то есть он будет преподавать метод, а не твердые и быстрые выводы.

Когда для правок в Конституцию собрали всех, у кого кубики не только на животе, но и вместо извилин, то долго изыскивали какую-нибудь возможность исподволь, но красиво подобраться к необходимости создания единой идеологии, и на чем было эту идеологию базировать, то же бы все очень долго рассуждали. Православие, как свидетельствуют последние события, не может рассматриваться в качестве такового, вирус оказался главнее бога и гораздо авторитетней, что доказано уже государственными институтами.

Многочисленные и неоднократные опросы, проводившиеся в Москве, Санкт-Петербурге, в Екатеринбурге выявили среди респондентов – студентов, девушек вполне себе продвинутых, развитых молодых людей, минимальный объем их познаний в русской истории, в русской культуре. Насколько это знаковая и итоговая вещь, подтвердил Никита Михалков, посвятив этому целый выпуск своего «Бесогона». Неутешительную картину дали и опросы в Москве, в которых передовой московской молодежи задавали различные вопросы про культуру.

Общий вывод по проведенным опросам – молодежь ужасно испорчена, ЕГЭ повредило мозг нескольким поколениям выпускников. И такие диагнозы выставлены не только «Бесогоном». Эти опросы дают представление об очень

стойком незнании главных героев произведений мировой классики российской литературы и истории – Наташи Ростовской, Челубея, Пересвета, дат исторических событий – Куликовской битвы. Поскольку опросы проводились методом выборки среди отдельной категории граждан, многие на настойчивые просьбы дать ответ, давали частично вымученные ответы и они были, с точки зрения Михалкова, анекдотическими и ужасными. Каждый из опрошенных, поковырявшись в себе, находил что-то среди заваливавшихся представлений, засунутых в самый угол памяти, и это что-то предьявлял. И вот если суммировать сегодняшние молодежные представления о русской культуре и истории, то что у нас получится?

У нас получается Кутузов, который на Куликовском поле застрелил Пушкина. Потом провалился под лед под тяжестью своих доспехов, но был спасен Наташей Ростовской, которую немцы повесили за поджог сарая. Вот такая образуется штука. И из этого всегда упрямо делается вывод о глупости и тупости новых поколений, о их невежестве, и о крахе образовательной системы.

Я обрисовала, суммировала, скажем так, картину сегодняшних представлений. И Михалков, кстати, как и все остальные, заходит в очень пафосных причитаниях. И никому почему-то не приходит в голову одна простая, режущая, обжигающая, страшная и, тем не менее, единственно логическая мысль, что, а, может быть, туповаты не молодые люди, а, может быть, туповаты эти ценности? Вот если посетители ресторана один за другим – не 100, не 200, а много тысяч – отказываются есть рагу, то, может быть, дело не в том, что посетители идиоты, а дело в том, что рагу протухло? И что вот этот весь набор, который еще что-то говорит людям нашего поколения, что-то говорит всем людям, имеющим какой-то груз лет, но для нового поколения это абсолютно бессмысленная, ничего не говорящая, ненужная архаика, которую нет никакого желания, ни резона носить в голове.

Вот с таким же успехом можно от этого молодняка требовать знания, как плести лапти, как гадать на кофе. Либо пытаться их на тему того: А вот в 22-й ливийской династии Древнего Египта фараон Шешонк был каким по счету? Или там заговаривать больные зубы. Это всё стало абсолютно ненужным. С этим просто пора смириться. Потому что, если бы эти Болконские, если бы эти Пьеры Безуховы, эти Кутузовы могли хоть чем-нибудь быть полезны, если бы с помощью их писаний или их образов можно было хоть что-нибудь объяснить сегодня для себя в сегодняшней жизни, сегодняшней системе ценностей, то, уверяю вас, у любого представителя молодежи ответы на вопросы отскакивали бы от зубов, их бы так же любили и знали, как любили и знали в XIX веке.

Существует даже мнение, что всё это придумано для того, чтобы 10 или 11 лет держать молодежь в школе и набивать им головы этой мертвечиной. Мы говорим о тех претензиях, которые сегодня высказываются этим молодым людям. Именно на основании поведения этих молодых людей, увы, мы можем самим себе впервые честно признаться, что да, действительно, у этой культуры, возможно, полностью закончился срок годности. И об этом пора говорить вслух. И это тоже в известной степени очень больно многим людям.

Конечно, я не спорю, есть люди, которые любят это, которые чтут это, которые читают это. Есть круг интересантов, которые испытывают наслаждение от русской литературной классики...

Можно привести одну не очень приятную аналогию. Пидань – это такое древнекитайское блюдо, которое в переводе означает столетнее яйцо. Это особо тухлое яйцо. Оно в своей протухлости такое синевато-коричневое, оно должно выдерживаться много лет, оно должно пройти все степени протухлости, протухнуть окончательно... Пройти некую даже полимеризацию, но воняет оно все равно страшно. И вот есть гурманы, которые испытывают наслаждение от этого Пиданя. И едят на специальных сходках, гутируют, обмениваются впечатлениями о разностях вкуса яиц 50-летней или 70-летней выдержки. Пожалуйста, они имеют на это полное право. И вот у любителей, правда, тухлых яиц, у них хватает ума не делать их поедание обязательным для всех и не смеяться над теми, кто предпочитает макароны.

Мы-то с вами как раз из тех, из любителей тухлых яиц.

Мы выросли на этих тухлых яйцах, но мы успели их разлюбить, потому что наша профессия, увы, обязывает нас к особой чуткости и к особому пониманию того, что необходимо сегодня. И мы понимаем, что все равно профессия, которая не идет немножечко на опережение, которая не умеет дышать одним воздухом с тем, кто этот воздух создает, а это люди все равно достаточно молодые. Это уже не профессия, а это уже пропаганда. Бедный Соловьев, который, действительно, долбит и долбит в абсолютную пустоту и тратит свои силы на публику, которая все равно ему никогда не ответит взаимностью как бы то ни было, потому что мы знаем, с какой скоростью эти распропагандированные люди предают и с какой скоростью меняют свои убеждения.

Поэтому мы, в общем, воспитаны на тухлых яйцах и на любви. Но в нашу пору они еще не были в той степени протухлости, в какой они оказались сегодня. Они были протухшие, но они были чуть-чуть свежее.

А что цифровая революция делает с людьми? Сейчас я могу говорить только о поколении «миллениалов», «поколение Z» еще не подошло к

университетам. Но, между тем, это другие люди! Они отличаются тем, что у них сложности с концентрацией внимания. Это исследование Сбербанка 2016 года. 18 минут они «держат» внимание, а лекция в университете продолжается 90 минут. Поэтому, чтобы удержать внимание таких людей, я должна, фактически, каждые 20 минут либо анекдот «вбросить», либо как-то отвлечься, чтобы они снова могли «вернуться». У них есть сложности в работе с текстами – это поколение пишет, да, но пишет в сетях, короткими фразами или кусочками фраз, мемами. И складывается особый язык. А если учесть, что «Твиттер» и некоторые другие сети ограничивают количество знаков, то понятно, куда ведет этот «язык». В итоге – возникают сложности при работе с текстами – не теми, которые в коммуникации, а теми, которые в книжках, иногда ужасно многотомных.

Какие в этой ситуации выявляются проблемы и перспективы преподавания литературы? Должно ли это быть нечто абсолютно новое или хорошо зарекомендовавшее себя старое? Представляется, что преподавание литературы теперь лучше увязать с курсом Критического мышления, который уже предлагается некоторыми вузами, в том числе на Платформе открытого образования от Томского государственного университета. В этом курсе слушатели знакомятся с основами критического мышления и практиками аргументации. Курс направлен на формирование навыков проблематизации, анализа и рефлексии, осмысляющего мышления: вдумчивое вопрошание, внимательное слушание, непредвзятое восприятие различных точек зрения, умение формулировать и аргументированно разворачивать свою позицию (понимание и отношение к фактам, смыслам и ценностям). Критическое мышление как искусство слова и вдумчивого осмысления (понимания), как ведение качественного разговора с миром, с текстом, с самим собой, необходимо практиковать постоянно, как иностранный язык или игру на пианино, потому что без постоянной практики навык утрачивается. Лучше всего развивать мышление в соотнесенных практических модусах понимания: слушания-говорения (устная речь и внимательное слушание) и чтения – письма (письменная речь и чтение). Об этом подробно писали Ю.С. Осаченко, Е.З. Бахтиярова, А.Н. Губайдуллина, Э.Г. Новикова, Е.Н. Суханова.

Единственная детальная оценка истинной ценности системы обучения относится к 1960-м годам, когда Уилл Дж. Мур, научный сотрудник и преподаватель колледжа Святого Иоанна, опубликовал в 1968 году систему обучения и ее будущее. Мур описывает, что такое учебный процесс: «В самом простом виде обучение – это еженедельная встреча ученика с учителем, которому он особенно предан. Это не заменяет другие методы, такие как обучение по лекции или в классе. Это явно не может заменить частное обучение.

Действительно, оно предполагает все это и включает их результаты в подготовку еженедельного эссе, которое представляется устно, выслушивается преподавателем и сразу же обсуждается. Весь процесс – чтение, обсуждение, подготовка к следующей неделе – занимает чуть больше часа. Обычной особенностью метода является неформальность ... Он начинается с нескольких вопросов о том, как ученик «ладил» со своим предметом, и краткого признания с его стороны, возможно, что ему понравилось больше, чем он ожидал, или что он сознавал, что он не понял весь предмет и не раскрыл реальную проблему в рамках предмета. Затем чтение, по желанию прерываемое наставником, а иногда и учеником, сопровождаемое поверхностной похвалой или благодарностью, а затем подробными комментариями, которые ученик может снять или нет по своему усмотрению. Эта часть может быть либо свободным обменом мячом, как в теннисе, либо болезненно односторонней информацией. Последние минуты посвящены предложениям и советам по теме следующей недели, и сессия заканчивается, когда следующий ученик стучит в дверь преподавателя или когда первый ученик отправляется на лекцию или преподаватель на собрание, или, действительно, когда любая из сторон чувствует, что другой теряет интерес. Не все учебные встречи такие. Как и в других живых формах образования, норма не является правилом. Возможны бесконечные вариации, и они действительно обусловлены обстоятельствами. Могут присутствовать два или даже три ученика; одного попросят прочитать, а другого передать его сочинение. Занятый наставник может запросить краткое изложение основных моментов двух или трех сочинений, объединяя их в одну дискуссию. Любая из сторон может отказаться играть свою традиционную роль: ученик не может принести никакого эссе или одно и не свое; он может полагаться на признание, неудачу, прерывание, болезнь. Преподаватель может обойти обсуждение для анализа, документов, проблем. Проницательный ученик может соблазнить его на защиту своих произведений. Один час может быть недостаточным для оживленной или сложной дискуссии. Можно исключить скучающих учеников через 50 минут, и на другом конце шкалы занятие по философии, начинающееся в полдень, может не закончиться, пока не закончится обед в колледже» [1, с. 15–16]. Мур признает, что занятие не всегда подвластно, в современном жаргоне, «контролю качества»: «То, что происходит в учебном процессе, в большой степени зависит от двух или трех личностей, участвующих в нем, что основным является разнообразие: почти все возможно. Коллега, изучивший учебный опыт соседа, обнаружил, что вообще ничего не происходит, и пришел к выводу, что обе стороны спят. Картина студента, которого «курит» лаконичный и иногда говорящий преподаватель, может быть правдой, но это не типично, для многих других картин не менее верно. Студенты меняются, особенно когда они сами по себе:

некоторые притворяются глупыми, некоторые глупы, некоторые ленивы и правдоподобны, некоторые легко обескуражены, немногие работают хорошо без похвалы, многие скрывают свое реальное отношение, не многие могут помочь преподавателю быть понятным и интересным. Учителя меняются не меньше, и любой хороший учитель меняет свою тактику. Не многим из нас, мне кажется, удастся быть одновременно лаконичным и интересным. Есть времена, чтобы быть загадочным, и быть простым, саркастичным, и быть сочувствующим, чтобы выразить и намекнуть. Опыт научил меня, что, какой бы ни была тактика, лучшие формулы человека могут не услышать. Принятие мудрости, по-видимому, связано не столько с мудростью, сколько с чувством со стороны ученика, которому он может помочь, что его роль заключается не в том, чтобы вечно рассказывать то, что он должен принять ... Преподаватель не является учителем в обычном смысле: это не его работа, чтобы передать информацию. Студент должен найти для себя информацию. Учитель выступает в роли конструктивного критика, помогая ему разобраться в этом, иногда пробовать, в смысле изучения возможного пути, отвергая один подход в пользу другого. Весь процесс оборачивается понятием предвзятости: как вы видите вещи, как вы оцениваете доказательства, как вы склонны связывать один факт с другим. Вскоре учащийся узнает мнение учителя о том, что определенный учитель склонен применять определенные критерии или предпочитать определенные виды доказательств. С этого момента хороший ученик обретет независимость от своего учителя, нащупает собственные средства интерпретации. Таким образом, хороший учитель поможет ученику опровергнуть или исправить его, то есть он будет преподавать метод, а не твердые и быстрые выводы. Великое искушение учителя состоит в том, чтобы цепляться за определенные интерпретации доказательств. Нам трудно понять, что наши студенты могут найти применение нашим методам, чтобы отвергнуть наши взгляды. Здесь я думаю, что мы касаемся силы учебного занятия как инструмента обучения. Каждая сторона свободна отказаться от того, что предлагает другая. Это может (и действительно) означать потерю времени и усилий, скуки и чувства разочарования с обеих сторон» [1, с. 18]. Мур подводит итог всего этого следующим образом: «Здесь, я полагаю, лежат корни метода обучения. Это скептический метод, метод, который исследует, исследует, исследует. Это не в лучшем виде передается в авторитетном утверждении *ex cathedra*, но в критике, теории, анализе, сравнении. Предпочитает относительное абсолютному, предварительное догматическому, эссе трактату. Очевидно – и это мы должны рассмотреть позже – это слишком антагонистично в современном духе и не дает той уверенности, к которой так часто и так естественно стремятся молодые. Университет, в котором действует метод обучения, вряд ли сможет предложить план для общества, говорить голосом власти, исправлять,

определять, утверждать, санкционировать, осуждать. Это скорее университет, стремящийся быть единственным местом в обществе, где исследование может продолжаться без учета последствий, когда теория может вступать в противоречие с теорией, быть домом точки и контрапункта, скорее диалектики, чем догмы» [1, с. 31–32].

Картрайт (2008) признает, что учебная система рухнет, если она становится слишком сосредоточена на сдаче экзаменов («... существует давление, чтобы скорее подготовить студентов к экзаменам, чем для жизни возвышенного мышления»), но также видит его большую силу: «Учебное занятие – Система, по замыслу или в результате несчастного случая, адресована непосредственно к мудрости и зондированию смысла») в то же время ни один студент не может проскользнуть через сеть, не будучи замеченным ... оправдания и алиби быстро обнаруживают ленивых и уклончивых или выявляют проблемных».

«Если высшее образование (например, футбол Премьер-лиги или спорт олимпийского уровня) обязательно является элитарным, то университет должен брать лучших студентов (тщательно и справедливо отобранных) и тренировать их (очень требовательным и интенсивным способом) с использованием академического персонала, который сам является лучшим из имеющихся ... Это подвело бы талант, присланный к нему, и, в свою очередь, к нации, если бы он был укомплектован второсортными учеными по зарплатам третьего сорта и потерпел неудачу требовать от этих талантливых студентов меньше полной приверженности и длительной тяжелой работы, чтобы получить оксфордскую степень...» [3, p. 20]. И, конечно же: «Учебное занятие является ключевой особенностью этого сложного и интенсивного учебного опыта, жизненно важного для правильного использования этого таланта...» [3, p. 20].

Итак, что такое высшее образование? Уравнение процесса входов / выходов / черного ящика может быть следующим: высшее образование, если оно действительно должно быть выше = либеральное образование как процесс преподавания и обучения = привитие навыка критического мышления на протяжении всей жизни через рефлексивное обучение и глубокое обучение. В свою очередь, воспитание радикального мышления и новаторского мышления = обеспечение адекватного вовлечения студентов в академический дискурс = тщательное обеспечение персонала: контакты / обратная связь со студентами и использование формирующей оценки...

Литература

1. Moore, W. G. (1968) *The Tutorial System and its Future*. Oxford: Pergamon Press.
2. https://openedu.ru/course/tgu/KRIT/?session=spring_2020

3. The Oxford Tutorial. Published by OxCHEPS, 2008 (second edition) Oxford Centre for Higher Education Policy Studies c/o New College, Oxford, OX1 3BN, UK. – URL: <http://oxcheeps.new.ox.ac.uk/>.
4. Герасимова, И. А. Введение в теорию и практику аргументации: учеб. пособие для студентов вузов по напр. «Философия» / И. А. Герасимова. – Москва: Логос, 2010. – 310 с.
5. Гетманова, А. Д. Логика : учеб. для студентов вузов / А. Д. Гетманова. – 16-е изд., стер. – Москва: Омега-Л, 2011. – 415 с.
6. Кирсанов, О. И. Теоретический и практический курс традиционной логики: учеб. пособие / О. И. Кирсанов. – Томск, 2013. – 354 с.
7. Модели рассуждений – 2: аргументация и рациональность : сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – 245 с.
8. Поварнин, С. И. Спор. О теории и практике спора / С. И. Поварнин. – 4-е изд. – Москва : Флинта, 2012. – 116 с.
9. Хоменко, И. В. Логика. Теория и практика аргументации : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / И. В. Хоменко. – Москва : Юрайт, 2011. – 314 с.
10. Адлер М. Как читать книги? Руководство по чтению великих произведений. – Москва : МИФ. – 2017.
11. Графф, Д. Как писать убедительно? / Д. Графф, К. Биркенштайн. – Москва : Альпина, 2018.
12. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с.
13. Критическое мышление и письмо. Рабочая тетрадь: учеб.-метод. пособие для модуля «Образовательное ядро бакалавр. ТГУ» / сост. Ю. С. Осаченко, Е. З. Бахтиярова, А. Н. Губайдуллина [и др.]. – Томск : Изд-во ТГУ, 2019.

УДК 37.016:811.111

Екатерина Денисовна Наздеркина,

студентка ИПИ П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ; Ишим, Россия

Ekaterina Denisovna Nazderkina,

a student of P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (the branch) of

Tyumen State University, Ishim, Russia

Диана Николаевна Фадич,

студентка ИПИ П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ; Ишим, Россия

Diana Nikolaevna Fadich,

a student of P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (the branch) of

Tyumen State University, Ishim, Russia

ФОРМЫ РАБОТЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

FORMS OF WORK TO INCREASE ORAL AND WRITTEN SPEECH OF STUDENTS AT FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Аннотация. В статье описаны формы работы по повышению устной и письменной речи обучающихся на уроках иностранного языка. Акцент сделан на коммуникативный подход к обучению школьников иностранному языку. Все приводимые в статье примеры приемов заданий и упражнений ориентированы на изучение темы «The Great Patriotic War».

Abstract. The article describes the forms of work to improve the oral and written speech of students at foreign language lessons. The emphasis is on a communicative approach to teaching students a foreign language. All examples of methods of tasks and exercises given in the article are focused on studying the Great Patriotic War as a training subject.

Ключевые слова: английский язык, урок, формы работы, коммуникативные упражнения, устная речь, письменная речь, обучающиеся.

Key words: English, lesson, forms of work, communication exercises, oral speech, written language, students.